

Превращения идеологии. Понятие идеологического в «предельном» расширении

А.В. Рубцов

Идеология рассматривается не только как система идей, но и как система институтов, усиленных новыми технологиями коммуникаций (от проповеди к машинному промыванию мозгов). Деидеологизация 1990-х гг. сменяется реконструкцией квази-идеократии, в которой идеи вторичны и зависимы от политической конъюнктуры. Усталость общества от засилья советской идеологии порождает эффекты: 1) идеологической идиосинкразии; 2) «теневой идеологии» — аналога теневой экономики (государство как идеологический партизан); 3) «латентной» идеологии — идеологического бессознательного, действующего *als ob*, «как если бы» субъекты были носителями эксплицитных идеологий. Представления о параллельном существовании идеологии наряду с политикой, наукой, культурой, экономикой и пр. дополняются диффузной моделью «включённой» идеологии (например, с различением позиций: «наука и идеология» и «идеология в науке»). По схеме конституирования политического у Карла Шмитта понятие идеологического строится на осевых оппозициях вера — знание, цели — ценности, интересы — принципы. В этом едином континууме принадлежность к полюсам философии или идеологии определяется не самим по себе контентом, а интенцией — направленностью либо на рефлексивную критику «очевидностей», либо на жесткую догматизацию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идеология, институты, политика, теневая идеология, диффузная модель, идеологическое бессознательное.

РУБЦОВ Александр Вадимович — кандидат философских наук, руководитель сектора философских исследований идеологических процессов Института философии РАН.

roubcov@inbox.ru

<https://iphras.ru/roubtsov.htm>

Статья поступила в редакцию 6 марта 2018 г.

Цитирование: *Рубцов А.В.* Превращения идеологии. Понятие идеологического в «предельном» расширении // *Вопросы философии.* 2018. № 7. С. 18–27.

Данная статья продолжает тему «Иллюзий деидеологизации», обсуждавшуюся на Общеинститутском семинаре Института философии РАН 14 декабря 2017 г. [Рубцов 2017 web]. В предыдущей публикации по материалам доклада [Рубцов 2018] был рассмотрен переход от демонтажа партийной идеократии к новейшим попыткам реабилитации идеологии. Такого рода тенденция наиболее успешно воплощается в форматах, связанных с теневыми идеологическими институтами и латентной идеологией. Стандартными понятиями эти процессы не описываются или не опознаются вовсе. Отсюда потребность в расширенной трактовке идеологии, в том числе как системы институтов и практик, обеспечивающих особого рода диффузное, «проникающее» воздействие на сознание и идеологическое бессознательное. Одновременно понятие идеологии выходит за пределы узко понимаемой политики и в «предельном» расширении обнаруживается в самых разных сферах познания, культуры, экономики и повседневной жизни.

Идеи и институты. Теневая идеология

Редукция идеологии к «идеям» и ментальности проходит от автора термина Де-Стюта де Траси через всю классику философии и политической теории предмета. Цитировать можно до бесконечности. Даже Дуглас Норт, один из столпов новой институциональной теории, заявляет в Нобелевской лекции: «Идеология – это то общее, что имеется в ментальных формах людей...» [Норт 2004 web]. Подходы к идеологии как к относительно самостоятельной констелляции институтов редки и менее акцентированы. Тем не менее сюда входят, как минимум: весь установочный, программный дискурс власти, инфраструктура СМИ и пропаганды, образовательные и воспитательные институции, инструментарий культурной политики и пр., включая собственную экономику идеологии, право и машины репрессий. Наряду с «идеологическими аппаратами государства» [Альтюссер 2012 web] существуют независимые идеологические институты гражданского общества. Плюс «теневая» идеология – пространства, в которых идеологическая работа и борьба как таковые не афишируются, но ведутся контрабандой, скрытно и почти партизанскими методами – в том числе самим государством.

Теоретически возможны сильные идеи без институтов и, наоборот, идеологические институты, для которых идеи вторичны и заменяемы. Уже в симбиозе марксизма-ленинизма и КПСС партийная идеократия была скорее не вполне идейной партократией (как церковь бывает «выше» веры). Аппарат командовал теорией, а не наоборот. Формула «Это вопрос политический!» воплощала особый статус идеологии как конечной инстанции не по смыслу, но по определению. Апелляции к идейно сакральному действовали гипнотически, закрывая любой вопрос тут же и без углубления в суть. Это и сейчас вызывает ностальгию.

Политическая конъюнктура по-прежнему модифицирует идеи в зависимости от потребностей изменения курса, однако стратегия изменилась. Раньше в одну идею «вчитывали» разные смыслы – теперь в один смысл (самосохранение власти) вписывают разные, порой взаимоисключающие идеи. В середине 2000-х культ стабильности сменился призывами к модернизации, без которой, как было объявлено, под вопросом «само существование страны». Затем эта же страна в одночасье развернулась к традиционализму в оперении духовных ценностей и скреп, идентичности и недостижимых высот морали. Плюс культурный код, который, подобно геному, предписывает нам во веки веков быть такими, какие мы есть. Однако модернизация кончилась, не начавшись, а традиционализм наскучил ещё быстрее (успев, однако, ценностями «целомудрия», «правды» и «нестыжательства» выдать пародию на мораль реального истэблшмента). «Цифровая экономика» и «искусственный интеллект» обозначили новый вектор (опять противоположный традиционализму). Идеологический маятник раскачивается с максимальной амплитудой и небывалой в истории частотой.

Всепобеждающая сила коммунистической идеологии также держалась не только на attractiveness идей, но и на сверхмощной инфраструктуре. Неограниченный ресурс должен был обеспечить подавляющие конкурентные преимущества на рынках идеологий. Поэтому и деидеологизация означала здесь в первую очередь демонтаж институтов. Идею добились, сломав её экономику и механику – обесточив и разобрав «машину». Сейчас этот аппарат пытаются восстановить, дополняя новыми стратегиями. В теневой зоне «успехи» заметны, если не сказать избыточны, что же до реконструкций деталей идеологического официоза отдельными ведомствами, то здесь больше самодеятельности и конфузов.

Все больший вес институциональным аспектам идеологий придаёт развитие технологической базы коммуникаций. Проповедь сменилась инженерией так называемого «промывания мозгов» и управляемого самовнушения. В арсеналах средств массового поражения сознания «мягкая сила» оказывает проникающее воздействие, сравнимое с радиацией. И чем весомее роль институтов, тем напряженнее их конфликт с идеями: средства начинают доминировать над целями, интересы над принципами.

Здесь важен нюанс: акцентируется не «идеология как институт» (о чем пишут — тот же Норт), но именно функциональные «институты идеологии», обеспечивающие её статус и влияние, распространение и усвоение. Норт понимает «институты» прежде всего как нормы и обычаи — установления. Он специально различает «институты» и «организации», но и рассматривает их взаимовлияние вплоть до «сращивания» в «эффекте блокировки» (см.: [Норт 2004 web]). Здесь вообще хроническая путаница. Иногда именно обычаи и нормы называют институтами. В текстах о художественной культуре институтами называют музеи, регулярные выставки, художественные центры и пр. В более общем виде это «...термин, используемый как форма слова “институт” для обозначения каких-либо органов или учреждений» [Сухарев (ред.) 2006, 857]. Мы в данном случае рассматриваем институционализм в более традиционном смысле, трактуя институты как организации, учреждения, органы государства. Это более соответствует «естественному политическому» языку (подробнее о терминологии в институциональной теории см. [Иншаков 2007]).

Производство, обмен и расширенное воспроизводство идеологии обслуживается целым комплексом каналов и сетей, силовых структур и органов контроля, бюджетами и кадрами, экономикой и правом. На волне деидеологизации была демонтирована именно эта инфраструктура, и сейчас её пытаются реконструировать. Попытки особо озадаченных функционеров явочным порядком имитировать руководство «идеологическим отделом ЦК» слишком раздражают общество и в одиозных случаях пресекаются сверху, однако претензии остаются, даже когда это очевидно вредит самой власти.

Наиболее эффективное проникающее воздействие обеспечивается прежде всего институтами «теневой» идеологии. Её механизмы обычно скрыты, но, подобно бессознательному в психоанализе, фиксируются по действиям и результатам. Так, расцветшая было риторика «традиции», «скреп», «идентичности» и «кодов» в текстах «категории А» может вытесняться «цифровой экономикой» и «искусственным интеллектом», однако общий уклон в традиционализм сохраняется уже без стимуляции высочайшими напоминаниями — и это процесс явно не стихийный! То же с ресталинизацией, с которой государство себя прямо не отождествляет, но попустительствует, особенно на местах. То, что сейчас так настораживает в опросах, не самопроизвольный тренд; это результат почти невидимой, но регулярной, методичной работы. Видимые эффекты вскрывают невидимую активность.

Теневая идеология востребована и там, где позиции не могут быть открыто артикулированы, например, из политической стеснительности или в силу одиозности мотивов и самого контента. Такие идеи транслируются через специализированные иносказания, чаще всего через исторические оценки и нарративы. Сейчас это двоянный процесс: политика идеологизируется — идеология историзируется. В этой «тени идеологии» история становится гигантской метафорой, служащей легитимации реалий настоящего и проектов будущего. Перефразируя название книги Э.Ю. Соловьева «Прошлое толкует нас», мы сейчас сами толкуем себя именно через прошлое. К этому вынуждает и редуцированность языка политики с огромными смысловыми и даже чисто лексическими лакунами, и необходимость соблюдать остатки идеологических приличий, в том числе заданных Конституцией. История часто позволяет сказать то, что в идеологии и политике прямо сказать нельзя. Выявление и реконструкция такого рода неявных иносказаний — насущная аналитическая и политическая задача, требующая честной артикуляции теневых и латентных установок — вплоть до идеи эмансипации идеологии и политики от «истории», от её лукавой метафорики.

В итоге в сфере идеологии выстраивается контур с положительной обратной связью: теневые институты продвигают теневые смыслы — и наоборот, продвижение теневых смыслов требует увода институтов в тень. Такого рода «окормление под прикрытием» — прямая противоположность демонстративной, открытой идеократии советского типа и ей подобных. По поводу национальной идеи политическое руководство может обойтись оговоркой, что в этом формате достаточно «патриотизма». Однако для всей прочей идеологической вертикали это не исключает продвижения це-

лого ряда иных идеологов и их комплексов. Ни у кого нет достаточных формальных оснований, чтобы можно было прямо указать на конечные идеологические инстанции в контроле над СМИ, в проекте «единого учебника истории» или в «политике памятников», однако координация процессов очевидна по импульсам и эффектам. Так же как видны и сбои в такого рода координации. В этом теневая идеология мало чем отличается от теневой экономики.

Скандальные демарши от лица государства и власти — не из этого стиля и выглядят как нарушение правил корпоративной конспирации. Главное в идейной борьбе теперь делается бойцами невидимого идеологического фронта. Характер такого рассредоточения и субординации усилий заслуживает специального анализа, полезного и самой власти, уже сейчас не вполне контролирующей отдельные последствия своих же сигналов.

Латентная идеология. Идеологическое бессознательное

С теневой идеологией институтов тесно связаны латентные порождения сознания и бессознательного. В ситуации, в которой официальной идеологии нет там, где мы привыкли ее видеть, тем более важны не только манифестированные, квазирациональные и вербально-дискурсивные идеологические формы, но также не столь очевидные формы, включая особого рода идеологическое бессознательное.

Идеология сплошь и рядом эффективнее воздействует именно через образы, через управление настроениями, эмоциями и страстями, включая ненавязчивые подсказки действий. Это не обычная «социальная психология» и не простое вытесненное, репрессированное рации. Это именно идеологическое бессознательное *als ob*, заставляющее человека вести себя так, «как если бы» он исповедовал определенные взгляды, имел определенные понятия и представления, был носителем вполне атрибутируемых идей и убеждений, даже теорий. Идеологическое без оформленных идеологов, индоктринация минус доктрина.

Такого рода бессознательное может переформатироваться в обычную идеологию, но и в латентной фазе «ловится» по внешним следам. Отсутствующие в ментальности понятия, представления и даже целые концепции могут быть задним числом реконструированы внешним наблюдателем-аналитиком и прописаны в виде «квазиидеологии, стоящей за кадром». Субъект (лицо, группа или масса) может быть носителем неформализованных идей, представлений. Классический пример — «постмарксистское» сознание в его советской и постсоветской редакции, в фоновом режиме воспроизводящее экономоцентризм и экономический детерминизм, латентный диамат и истмат, причём именно в советском изводе. Существовать все это может в какой угодно упаковке, вплоть до религиозной (марксоидное православие), идеалистической (морализирующее стяжательство с проповедью духовности и аскезы) и пр.

Само выражение «идеологическое бессознательное» даже в философической среде может вызывать автоматическое отторжение: нонсенс, *contradictio in adjecto*. В идеологии чаще видят нечто якобы осмысленное и вербально оформленное, похожее на рацию, иногда «почти науку». Но для более читающей аудитории эта идея и само это словосочетание не новость. «В слове “идеология” имплицитно содержится понимание того, что в определенных ситуациях коллективное бессознательное определенных групп скрывает действительное состояние общества как от себя, так и от других и тем самым стабилизирует его» [Манхейм 1994, 40]. «Как раз в среде этого идеологического бессознательного люди изменяют “переживаемые” отношения к миру и приобретают ту новую, специфическую форму бессознательного, которую называют “сознанием”» [Альтюссер 2006, 330].

Однако в этих и им подобных формулировках все же полагается, что идеологическое бессознательное актуально трансформируется в превращенные формы сознания, с полным циклом концептуализации и вербализации, лексического оформления. Такое «идеологическое бессознательное» — это «истина» сознания, которая от него скрыта, но им управляет и в нем воплощается. В нашем же случае прямая вербализация может вовсе отсутствовать: взаимодействие ведётся только на уровне бессозна-

тельного, на одной интуиции смыслов. Если что-то вербально оформленное и есть, то разве только в конфиденциальных заявках политтехнологов на финансирование проектов, но никак не для общего пользования.

Эти формы бессознательного позволяют создавать эклектичные, порой монструозные типы: антифашиствующих фашистов, предельно агрессивных пацифистов и миротворцев, монархистов на почве народовластия, либералов «железной руки» и т.п. «Теория» неизбежной новой войны и реальной угрозы нападения «осмысленно» и вербально воспроизводится далеко не всеми, кто в действительности уже давно насквозь поражён этим комплексом неврозов и фобий. То, что лидер незаменим и что без него страна исчезнет, можно услышать всего один раз, а можно было не услышать и вовсе, однако с таким умонастроением живут многие, включая тех, кто на вербальном уровне с подобной прямолинейной констатацией не согласился бы. Эти формы латентности заслуживают специального анализа: человек может придти в искреннее негодование при экспликации и атрибуции его латентных установок, ничуть не менее искренне им отрицаемых на рациональном уровне и в вербальных формах.

Диффузная модель. Идеология проникающая и включённая

Присутствие теневой и латентной идеологии меняет взгляд на саму онтологию идеологического и «географию» его ареалов. Более адекватными оказываются не жестко локализованные, а «диффузные» представления о характере присутствия идеологии, причём одновременно и в ментальной, и в институциональной её ипостасях. По аналогии с диффузной и невидимой властью у Мишеля Фуко, идеология активна не только там, где она сама себя локализует и манифестирует. Как и в отношении власти все большее значение приобретают рассредоточенные формы идеологических активов и инвестиций. «Не хватит ни Маркса, ни Фрейда, чтобы помочь нам познать эту столь загадочную вещь, одновременно видимую и невидимую, присутствующую и скрытую, инвестированную повсюду, которую мы называем властью» [Фуко 2002, 75]. В этой сентенции об «инвестированном повсюду» слово «власть» вполне корректно заменить словом «идеология».

В стандартном понимании идеология есть нечто, что сначала создаётся идеологами, а потом впечатывается в умы, насквозь промываемые «мегамашинами мысли». В наше время это редукционизм, и снимается он анализом проникающих и одновременно порождающих свойств идеологии, не столько монтируемой в головы готовыми блоками, сколько репродуцируемой и продуцируемой, впитываемой и выделяемой «пористыми телами» сознания и бессознательного. Диффузная модель показывает, что идеологического в жизни больше, чем кажется, причем количество здесь переходит в качество. Традиционная «метафизика идеологии» жестко маркирует и ее, и сами места её локализации. Диффузное идеологическое, наоборот, обнаруживает себя в самых неожиданных критических зонах, в том числе в тех, что в теории и аналитике обычно считаются пространствами идейной эмансипации — уклонения и ускользания от идеологии, даже активного противостояния ей (например, в науке). Отсюда дополнительные основания для критики иллюзий радикальной деидеологизации не только в политике, но и во всей топологии «обиталищ сознания».

Политическое прочтение идеологии в большинстве своём безальтернативно и нередко радикально. Это со всей определённостью выражено в «Истоках тоталитаризма»: «Любая развитая идеология создается, поддерживается и совершенствуется как политическое оружие, а не теоретическая доктрина» [Арендт 1996, 230]. Более широко трактует идеологию, например, Эдвард Шилз, считающий её «одной из разновидностей всеобъемлющих моделей», сочетающих элементы веры-знания и морали (beliefs-cognitive and moral) в отношении человека, общества и мироздания [Shils 1982, 202]. «Склонность к идеологическому конструированию является одним из фундаментальных свойств человеческого рода, достигающего определенной стадии интеллектуального развития. Однако, эта склонность обычно скрыта» [Shils 1982, 208]. Вопреки расхожим (в том числе в теории) представлениям, политическая власть

есть лишь одна из форм власти [Фуко 2002, 119–120]. То же можно отнести к политической идеологии, далеко не исчерпывающей пространство идеологического. Если власть не сводится к политике, то и сама идеология не сводится к политической власти.

Включение идеологии в более общие контексты проще объяснить по аналогии с представлениями о культуре, которую тоже обычно слишком упрощенно понимают, подобно политике, власти или идеологии, как нечто локализованное в «отрасли». В этой системе представлений все сосуществует «по отдельности и рядом друг с другом», через запятую: экономика, политика, идеология, культура, знание, философия. Такие представления в пределе сводят культуру к тому, чем занимаются её деятели и ведают ведомства (театры, музеи, библиотеки, кинематограф). Однако в живом языке не случайно есть понятия политической, правовой, предпринимательской, исследовательской, коммуникационной, экологической и т.п. культуры. Этими «встроенными культурами» специально почти не занимаются (они всегда «между») — отсюда такие малокультурные результаты в жизни. Точно так же можно говорить об особой, собственной «политике культуры», которая часто радикально отличается от «культурной политики» государства и даже с ней конфликтует.

Если формула «культура и...» не всегда корректна, то так же в предельном расширении далеко не во всем корректны формулы «идеология и политика», «идеология и наука», «идеология и искусство». Лишь в одной из штатных ипостасей идеология локализована, но это отнюдь не отменяет её включённого присутствия «повсюду». Особенно показательны в этом отношении такие, казалось бы, прямо противостоящие идеологии сферы, как наука, бизнес, искусство. «Храмы» рационального знания и свободного творчества не только не защищены от проникновения идеологического, но и сами генерируют идеологию, в том числе с политикой не связанную. Более того, идеология неустранима и из самой науки — как собственная идеология теории, как мировоззрение общей парадигмы и локальной концепции. «Существует два аспекта взаимоотношения идеологии и науки. Один из них — это наука *и* идеология. Другой — идеология *в* науке» [Мамчур 2010, 58].

Точно так же нельзя элиминировать идеологическую составляющую из такой, казалось бы, деидеологизированной сферы, как экономика и сугубо деловая активность. «Конструктивный подход к природе человеческого познания невозможен без пересмотра одного из основных постулатов экономической теории — о рациональности экономического поведения. История показывает, что идеи, идеологии, мифы, догмы и предрассудки имеют большое значение. Поэтому без правильного понимания того, как они эволюционируют, мы не сможем выработать концептуальный аппарат для объяснения происходящих в обществе изменений» [Норт 2004 web]. Ранее о том же писал Джон Мейнард Кейнс в «Общей теории занятости, процента и денег»: «...идеи экономистов и политических мыслителей — и когда они правы, и когда ошибаются — имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром» [Кейнс 2007, 340]. Этот пассаж зацитирован до дыр, но не все помнят яркое продолжение: «Люди практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого. Безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писаки, сочинявшего несколько лет назад. Я уверен, что сила корыстных интересов значительно преувеличивается по сравнению с постепенным усилением влияния идей» [Там же]. Здесь важно ещё раз подчеркнуть, что речь идёт не о внешнем влиянии идеологии на экономику, но об идеологическом в самой экономике (подобно различению позиций «наука и идеология» и «идеология в науке»).

Характерной аналогией этого различения является оппозиция: «искусство и идеология», либо «идеология в искусстве». Существует множество исследований, посвящённых взаимосвязям искусства и идеологии, однако большей частью они воспроизводят стандартные сюжеты: «искусство и политика», «искусство и власть», «искусство и государство». Идеология как собственная, внутренняя и именно эстетическая со-

ставляющая художественного направления, вида творчества, отдельного автора или произведения рассматривается в данной терминологии гораздо реже и то в пределах явно читаемого. В нашем контексте интереснее фоновые мировоззренческие установки, подобные ньютоновскому механицизму и лапласовскому детерминизму в сюжетной конструкции «Опасных связей» Шодерло де Лакло (классический сюжет для иллюстрации связей логики искусства и эстетики философии своего времени). В сущности, это мало чем отличается от принимаемого по умолчанию мировоззрения учёных, включая позитивистски настроенных естественников.

Противоположный пример — не фоновое мировоззрение, а именно осмысленная, авторски проработанная и даже литературно оформленная идеология отдельной программной вещи или целого направления. Именно благодаря этой прописанной идеологии «Чёрный квадрат» Малевича стал самым известным и наиболее знаковым произведением всего русского авангарда (возможно, не только русского и не только авангарда) — идеалом полотна-концепции, картины-философии. Известно, что задолго до Малевича нечто, внешне подобное иконе супрематизма, изображали многие. В 1617 г. чёрный квадрат с названием «Великая тьма» создал Роберт Фладд — английский врач, военный и путешественник, философ-мистик, эзотерик, астролог и теоретик музыки. В 1843 г. Берталь (анаграмма имени Albert, придуманная с участием Бальзака) создал полотно «Вид на Ла-Хог (ночной эффект), Жан-Луи Пети» — чёрный прямоугольник в горизонтальной позиции. Это сделал «утонченный график страницы», иллюстратор Андерсена, Дюма, Диккенса и Перро, однако и его изделие кануло в лету как частный анекдот. В 1854 г. Гюстав Доре в альбоме «Живописная, драматическая и карикатурная история Святой Руси на основании текстов хроникеров и историков Нестора, Сильвестра, Карамзина, Сегюра и т.д. в 500 рисунках с комментариями» исполнил неправильный чёрный квадрат с символическим названием «Русская тьма», однако не задержался даже этот приём. В 1874 г. Генри Холидей в иллюстрациях к Льюису Кэроллу приводит «Карту Океана» в виде пустого прямоугольника. Затем в 1882 г. Поль Бийо выставляет на одной из парижских выставок чёрный прямоугольник в раме: «Битва негров в туннеле». И буквально через год близкий ему литератор и музыкант Альфонс Алле создаёт полотно «Битва негров в пещере глубокой ночью». Далее следует серия монохромных прямоугольников: белый — «Первое причастие страдающих хлорозом девиц в снежную пору»; красный — «Уборка урожая помидоров апоплексическими кардиналами на берегу Красного моря»; синий — «Оцепление молодых новобранцев, первый раз увидевших лазурь Средиземного моря»; зелёный — «Сутенеры в самом расцвете сил, на животах в траве, пьющие абсент»; желтый — «Желтушные азиаты, пьющие анисовый аперитив на пшеничном поле»; серый — «Хоровод пьяных в тумане».

Вся эта история оказалась ничем в сравнении с художественным концертом Малевича, хотя последние просвечивания якобы выявили на белых полях «Чёрного квадрата» следы, говорящее о его знакомстве с «Битвой негров...». «Квадрат» как предельно резонансное событие состоялся исключительно благодаря его собственной идеологии — философии нефигуративности, «перехода через ноль» и пр. Эта идеология одной вещи в итоге оказалась несравнимо более значимой для истории художника и искусства, чем все перипетии взаимоотношений Малевича и его школы с революцией, идеологией, пропагандой, политикой, партией, государством, госзаказом, внешней цензурой и внутренним конформизмом.

Конституирование по Шмитту: идеологическое в оппозициях вера — знание, цели — ценности, интересы — принципы

Расширенные представления об идеологии закономерно ставят вопрос о соответствующем — и именно предельном! — конституировании данного понятия. Наиболее популярный сейчас образец такого рода конституирования даёт концепция политического Карла Шмитта и его интерпретаторов. Можно допустить, что сама эта схема (как бы к ней ни относиться в конкретном исполнении) в качестве алгоритма имеет смысл далеко за рамками определения политики [Шмитт 1992]. Главное откровение

«ужасного юриста» — необходимость конституирования политического на его собственных уникальных основаниях. Подобно тому, как наука конституирует оппозиция истины и заблуждения, этику — добра и зла, эстетику — прекрасного и безобразного, экономику — дохода и убытка, политику, по Шмитту, конституирует дихотомия друг — враг, причём в её радикальном варианте: в борьбе на уничтожение (см.: [Рубцов 2017 web]).

Данный алгоритм даёт шанс такого же конституирования идеологии на основе её собственной базовой оппозиции. Ранее уже вводилось рабочее обозначение идеологии как «веры в упаковке знания». Дихотомия вера — знание выглядит достойным аналогом оппозиции друг — враг и чисто концептуально может быть опробована в качестве базовой для спецификации идеологии и продолжающей ряд таких дихотомий, как добро — зло, истина — заблуждение и т.п. Однако здесь вновь возникает проблема симметрии — асимметрии: что ближе к сути идеологического — вера, маскирующаяся под знание, или же знание, которое имплементируют через веру? Иными словами: идеология — это прежде всего наукообразное суеверие, или все же и особого рода «суеверная наука», знание, индоктринируемое без критики источников, контента и логики, принятой в нормальной науке?

Введенная ранее диффузная модель помогает отказаться от жёсткой логики этой бинарной оппозиции в пользу модели континуального перехода. В реальных отношениях не существует в отдельности веры или знания, то есть знания без веры и веры без знания. Это всегда единый сrostок знания-веры, подобный магниту, сохраняющему полюсу, как бы его ни распиливали. В самом же континуальном переходе в разных его точках обнаруживаются разные констелляции знания и веры. Если рассматривать диффузию идеологии, например, в науку или религию, то на этих полюсах обнаруживается явно противоположное тяготение, полярные интенции; при этом чистое знание и чистая вера в обоих случаях есть не более чем предельные идеализации (пустые множества).

В научной аксиоматике и метафизической догматике науки всегда есть качество «кредо» — верую. В религиозной догматике, наоборот, «кредо» всегда содержит ересь знания или потребности в нем. Собственно, максимализм формулы «Credo quia absurdum», как раз и отражает качество предельного суждения, обращающего в ноль претензии докетов или гностиков. Но точно такое же качество присутствует, например, в идеологии произведения или художника — в этом особом «кредо» художественной концепции, эстетики или вкуса. Максима «О вкусах не спорят» лишь повторяет квазирелигиозные формулы «Достоверно, ибо нелепо», «Несомненно, ибо невозможно» и пр. Диспозиция рации и «кредо» по-разному воплощается в разных искусствах, в разные эпохи, в разных стилях и произведениях, у разных авторов на разных этапах их «творческой биографии».

Ещё более очевидны различия в комбинациях веры и знания в разных идеологиях и в разных политиках. Это сейчас особенно нуждается в исследовании в связи с радикальной реидеологизацией политики и общества, резко ускорившейся примерно с 2010 г. на гребне провала так и не начавшейся модернизации. То, что раньше «заливали деньгами», сейчас заливают идеями и страстями, а это и есть территория идеологического.

С этой точки зрения особым образом выстраиваются и взаимоотношения идеологии и философии. В первом приближении их можно рассматривать как рядоположенные формы интеллектуальной активности. Однако с точки зрения диффузной модели в философии всегда присутствует составляющая идеологии, а в идеологии — составляющая философии. Соответственно, и здесь есть спектр с континуальным переходом. Однако здесь важнее то обстоятельство, что принадлежностью философского либо идеологического текста может быть и вовсе один и тот же, текстуально идентичный фрагмент. Принадлежность к философии или идеологии определяется здесь не по контенту как таковому, а по интенции. Если философия призвана вскрывать неочевидность якобы очевидного (а потому не промысливаемого), то идеология, наоборот, стремится сделать очевидным вовсе не очевидное, устраняя процедуры

рефлексии, критики и самокритики. В математической терминологии это один и тот же скаляр, но с противоположно направленными векторами.

Данная оппозиция дополняется и другими осями, в том числе с учётом определения идеологии как системы ценностей, а также практической направленности целого ряда её проявлений. В результате получается пространственная, трёхмерная модель, построенная на трёх осях: гносеологии, аксиологии и праксеологии – «вера в упаковке знания», «цели в упаковке ценностей», «интересы в упаковке принципов». Такая модель испытывает пределы обобщения уже в силу пространственной исчерпанности. Если все же сводить по инерции идеологическое к запросам политики и власти, легитимации господства и подчинения, обработки сознания другого и пр., то останется проблема отсутствия того общего, объемлющего понятия, которое одинаково работало бы во всех вышеперечисленных сферах. Будет по-прежнему непонятно, что делать с изоморфными (как минимум) проявлениями идеологического, наблюдаемыми в столь разных сферах.

Что же до работы с новыми жизненными реалиями, в том числе политическими, то может оказаться, что понимание собственной, имманентной идеологии всего, что пытается быть вне политики (науки, экономики, искусства, культуры и пр.), позволяет увидеть, как действует теневое и латентное идеологическое в принципиально новых социумах и условиях коммуникации.

Источники – Primary Sources in Russian

Альтюссер 2006 – *Альтюссер Л.* За Маркса / Пер. с франц. А.В. Денежкина. М.: Праксис, 2006 [Althusser, Louis P. *Pour Marx* (Russian translation 2006)].

Альтюссер 2012 web – *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. 3 (77). <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> [Althusser, Louis P. *Idéologie et appareils idéologiques d'Etat* (Russian translation 2012)].

Арендт 1996 – *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И.В. Борисовой, Ю.А. Кимелева, А.Д. Ковалева, Ю.Б. Мишкенене, Л.А. Седова. Послесл. Ю.Н. Давыдова. Под ред. М.С. Ковалевой, Д.М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996 [Arendt, Hannah *The origins of totalitarianism* (Russian translation 1996)].

Кейнс 2007 – *Кейнс Дж.* Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: ЭКСМО, 2007 [Keynes, John M. *The General Theory of Employment, Interest and Money* (Russian translation 2007)].

Манхейм 1994 – *Манхейм К.* Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994 [Mannheim, Karl *Ideologie und Utopie* (Russian translation 1994)].

Фуко 2002 – *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С.Ч. Офертаса под общей ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2002 [Foucault, Michel *Dits et écrits. Articles politiques, conférences, interviews. 1970–1984* (Russian translation 2002)].

Шмитт 1992 – *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 35–67 [Schmitt, Carl *Der Begriff des Politischen* (Russian translation 1992)].

Ссылки – References in Russian

Иншаков 2007 – *Иншаков О.В.* Институты и институции в современной экономической теории // Вестник ВолГУ. Серия 3. Вып. 11. 2007. С. 6–21.

Мамчур 2010 – *Мамчур Е.А.* Наука, метафизика, идеология // Ориентиры. Вып. 6. М.: ИФ РАН, 2010. С. 58–76.

Норт 2004 web – *Норт Д.* Функционирование экономики во времени. Нобелевская лекция (9 декабря 1993 года) // Отечественные записки. 2004. 6 (21). <http://www.strana-oz.ru/2004/6/funkcionirovanie-ekonomiki-vo-vremeni#t10>.

Рубцов 2017 web – *Рубцов А.В.* Иллюзии деидеологизации. К концепции «диффузной» и «проникающей» идеологии. Реферат доклада (части 1 и 2) // https://Iphras.Ru/Uplfile/Root/News/Archive_Events/2017/14_12_2017.Pdf; https://Iphras.Ru/Uplfile/Root/News/Archive_Events/2017/14_12_2017_2.Pdf.

Рубцов 2018 – Рубцов А.В. Иллюзии деидеологизации. Между реабилитацией идеологическо-го и запретом на огосударствление идеологии // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 66–75

Сухарев (ред.) 2006 – Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева. 3-е изд. М.: ИНФРА-М, 2006.

Voprosy Filosofii. 2018. Vol. 7. P. 18–27

The Transformation of Ideology. The Concept of the Ideological in the “Extreme” Expansion

Alexander V. Rubtsov

Ideology is seen not only as a system of ideas, but also as a system of institutions reinforced by new communication technologies (from preaching to machine brainwashing). Deideologization of the 1990s is replaced by the reconstruction of a quasi-ideocracy, in which ideas are secondary and dependent on the political conjuncture. The fatigue of society from the dominance of Soviet ideology gives rise to the following effects: 1) ideological idiosyncrasy; 2) “shadow ideology” – an analogue of the shadow economy (the state as an ideological partisan); 3) “latent” ideology – the ideological unconscious, acting as if, “as if” the subjects were carriers of explicit ideologies. Representations of the parallel existence of ideology along with politics, science, culture, economics, etc. are supplemented by a diffuse model of “included” ideology (for example, with a distinction of positions: “science and ideology” and “ideology in science”). According to the scheme of the political constitution of Karl Schmitt, the concept of ideology is based on axial oppositions “faith-knowledge”, “goals-values”, “interests-principles”. In this single continuum, belonging to the poles of philosophy or ideology is determined not by content itself, but by intention-directedness or reflexive criticism of “evidence”, or by rigid dogmatization.

KEY WORDS: ideology, institutions, politics, shadow ideology, diffuse model, ideological unconscious.

RUBTSOV, Alexander V. – CSc in Philosophy, Head of the Department of the Philosophical Studies of Ideological Processes, Institute of Philosophy RAS, Moscow.

roubcov@inbox.ru

<https://iphras.ru/roubtsov.htm>

Received at March 6, 2018.

Citation: Rubtsov, Alexander V. (2018) ‘The Transformation of Ideology. The Concept of the Ideological in the “Extreme” Expansion’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2018), pp. 18–27.

DOI: 10.31857/S004287440000219-5

References

Inshakov, Oleg V. (2007) ‘Institutes and institutions in modern economic theory’, *Vestnik VolGU*, series 3, Vol. 11, pp. 6–21 (in Russian).

Mamchur, Elena A. (2010) ‘Science, metaphysics, ideology’, *Oriyentiry*, Vol. 6., Institut Filosofii RAN, Moscow, pp. 58–76 (in Russian).

North, Douglass C. (1993) *Economic Performance through Time. Lecture to the memory of Alfred Nobel*, December 9; <http://nobelprize.org/economics/laureates/1993/north-lecture.html>–not (russian translation, 2004).

Rubtsov, Alexander V. (2017), *The Illusion of the De-ideologization. The Concept of “Diffuse” and “Penetrating” Ideology*. Summary of the report (parts 1 and 2),

https://iphras.ru/Uplfile/Root/News/Archive_Events/2017/14_12_2017.Pdf,

https://iphras.ru/Uplfile/Root/News/Archive_Events/2017/14_12_2017_2.Pdf.

Rubtsov, Alexander V. (2018) ‘The Illusions of the Deideologization. Between Rehabilitation of the Ideological and Ban on Nationalization of Ideology’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 6 (2018), pp. 66–75 (in Russian).

Shils, Edward (1982) *The Constitution of Society*, The University of Chicago Press, Chicago.

Sukharev, Aleksander Ya., (ed.) (2006) *Large legal dictionary*, INFRA-M, Moscow (in Russian).